

Сидорыч

Сидорыч худой был, как гвоздь. Но ел всегда быстро и много. Сметал со стола все, что подвернется под руку. Ел так, как будто бы ел в последний раз на белом свете. Жена, Зося, прощально следила за ним. Мол, не в коня корм. А ночью Сидорыч, как хорек, обвивал пухлую Зося и уносил ее, вроде курицу, лишнюю голоса, в кровать.

И так продолжалось одиннадцать лет, пока Зося не заметила, что Сидорыч начал поправляться и скучать. Это встревожило Зося. Но не то ее встревожило, что Сидорыч поправляться начал, а то встревожило, что скучать стал — перестал ее воровать...

И даже когда украдет ее Сидорыч — не тот. Голову прячет у нее на груди и печалится. Иной раз и пропадет. Зося, добрая и большая, долго шарит по кровати нежными ладошками, а Сидорыча нет. Тугой и комфортабельный, Сидорыч подползал к подушкам с противоположной стороны и засыпал. Подушки высокие. Сама их Зося набивала домашними перьями, но разве она могла предположить своего худого мускулистого мужа заползающим в них? А Сидорыч — котенок и котенок, вкусно мурлычет и во сне, играючись, немножко царапается.

Августовский золотой месяц на огороде стоит. Светит, как фара от мотоцикла Сидорыча. Баню видать. Сарай видать. В сарае куры возятся, светом подстегнутые, и петух, дурак, не разобравшись пытается ни к лугу, ни к болоту закукарекать, но сконфуженно прерывается. Старая курица, мелькнуло в мыслях у Зоси, клюнула его, балду: не затевай петь, если другим одиноко...

Грядки видать. Капуста. Картошка. Дров на десять зим хватит — поленницы. Бочка с бензином вкопана посреди огорода — противопожарная хитрость Сидорыча. Правда, строения древние, гнилые. Сжечь — не грех. А новые-то на какие шиши взять? Да и где взять? Русские примутся жить хорошо — зазнаются. Разводиться и пьянствовать перестанут. Семьи увеличат, а зачем? Русских достаточно. Даже — лишнего: из

республик бегут...

Сидорыч маленький, а терпеливый. Четырех детей помог родить Зосе, далее не растерялся: дескать, я ничего, решай, родить будем и впредь. Но Зося пожалела мужа. Слишком он хозяйственный и кумекающий. Нагрузка на организм и ум непомерная.

А хозяйственный Сидорыч — на зависть. Мотоцикл в лотерею выиграл. Продал его тут же и в десять раз дороже заезжему армянину. Продал, аж имя у заезжего не запомнил. Оформили и — конец дружбе. По чарочке не налили — торопились.

Армянин, чувствительный и родственно-трогательный, хотел их адрес увезти, но Сидорыч прикрикнул и напутствовал, кажется, Гошу, Гошей заезжего звали, напутствовал: — Купил, радуйся и включай постепенно четвертую скорость, чем лучше дорога, тем смелее скорость четвертую включай и гони!

Гоша счастлив и Сидорыч счастлив. А позже в Армении бои завязались. Сидорыч и Зося, искренне соболезнуя Гоше и мотоциклу, купили за полцены у инспектора ГАИ размятый «Урал», с пуленепробиваемым стеклом. За неделю Сидорыч поставил «Урал» на ноги. Покрасил, опробовал. Люльку покрасил и привинтил. Погрузил Зося, ребяташек и — за грибами.

Грибы — не основное. Грибы, абы Сидорычу оторваться от цифр трестовских и от интеллектуального перегруза. Сидорыч — старший кассир треста. А трест — главный в районной промышленности трест. Тысячи домов деревянных собирают, разбирают, грузят и увозят по землетрясениям, а поселок — развалюха на развалюхе, стыд, а не избы.

Господи, почему ты в Подмосковье, без жертв, не пошлешь двадцатипятибальный перетряс? Дома бы не увозили. И «Урал» бы для поездки за грибами сгодился, не искали бы следующего армянина...

Сидорыч — старший кассир, честнейший и быстрееший. Директор треста объявил к

празднику 1 мая соревнование счетоводов с компьютерами. И Сидорыч, кассир, а не счетовод еще, один подсчитал миллионы квадратных метров жилой площади, отправленных по землетрясениям и разным помощам, быстрее семи компьютеров. Ест Сидорыч быстро и много, и считает Сидорыч быстро и много. Один считает.

Приехал компьютерный хозяин фирмы из штата Огайо, мордастый и веселый капиталист, обнял Сидорыча и в экран кричит: — Ол райт! — В телевизор и Огайо и Сидорыча показали. Долго — капиталиста. И мельком — Сидорыча. Русских, самих, не показывают — запрещено... Тамбов — не Огайо. Сидорыч — не фирмач. Сиди в Подмоскovie и обгоняй компьютеры.

Зося сладко очнулась, пошарила нежными ладонями по кровати, отыскала между белоснежными подушками Сидорыча, притянула его, погладила, уложила на грудь и прошептала: — У, мой тютюнчик!

И Сидорыч сладко очнулся, а сделал вид — не очнулся. После показа его и фирмача из Огайо по телевизору, Сидорыч стал по ночам считать и хитрить с Зосей. Зося мучилась тайной и опасалась.

На природе Зося расковывалась и хорошела. Неопределенные подозрения рассеивались. Зося, тридцатилетняя красавица, в накрахмаленном фартучке, загорелая и запывавшая возле костра, благодарно жарила свежие грибы.

Сидорыч, как я давеча заметил, чуток нагулявший вес, протирал тряпочкой «Урал» и занимался перед обедом детьми:

— Кем ты хочешь стать? — спрашивал он у десятилетнего Сережи.

— Сидорычем и обгонять компьютеры!

— Хи, а ты, Вадя? — спрашивал отец у семилетнего Пети.

— Тютюнчиком!..

Оказывается Петя как-то подслушал неизвестное имя Сидорыча. Зося краснела и зовуще хохотала. А Сидорыч не забывал ребят:

— А ты, Васек?

— Бежневый! — тихо сообщал шестилетний Васек и шевелил пятью пальцами, тремя на правой и двумя на левой ручке. Значит, желает иметь пять золотых звезд на лацкане. Научил Васька Сережа, готовя к школе братишку и листая «Огонёк» с портретом Леонида Ильича Брежнева...

Семья улыбалась. Потрескивал аккуратный костерок. Зося, аккуратная, подкидывала хворост, мыла посуду, резала картошку, ядреную и свою. Перед кушанием они, все вместе, аккуратно выбирались к Ярославскому тракту, и по традиции, глядели на мчавшиеся мотоциклы и автомобили.

Сидорыч, аккуратный, называл марки машин и рассказывал семье, какие, параллельные нашим, в США выпускают, хвалил Запад, но без перебора. Возвращался с Зосей к недавнему соревнованию с компьютерами в тресте. И Зосе чудилось: в затылке у Сидорыча мигает компьютерный зрачок из штата Огайо...

Уже, принимая аппетитно свежие жареные грибы, Сидорыч отечески выпытывал у Танюши, девочки, последней крошки:

— Кем ты станешь, как вырастешь, Танюшка?

— Мамой Зосей и в фалтуке!

У Сидорыча влажнели глаза. И Зосе опять чудилось: в затылке мужа мигает американский зрачок, счетчик.

Семья, сытая и приятно утомленная, отдыхала. Ребята задремывали. А по брезенту палатки постукивал шаловливый дождик. Постукивал и — отбегал. Постукивал и — отбегал. Удивительно.

И в бесподобно чистую минуту мира осмелилась Зося и прямо спросила Сидорыча:

— А что, милый, с тобою, какой-то ты не такой и как странный? — Она осторожно подгробла Сидорыча под грудь. Подышали. А дождик опять, постучит по брезенту и — убежит. Постучит по брезенту и — убежит.

И поведал жене Сидорыч: «Зося, мне и самому чудится, ровно в затылке моем американский зрачок, компьютерная сигнализация подмигивает. Мигнет и — щелкнет. А я и слышу. Считаю. А затеялось чудо подобное с перестройки. Возьмешь газету — Америка, Америка! Телевизор включишь — Америка, Америка! Руководителя слушаешь — Америка, Америка! И отразилось — счетчик мигает!»

— А поправляться кто тебя научил?

Зося затаилась. Разговор с мужем очень государственный и редкий?

— А поправляться? — и Сидорыч поперхнулся, — поправляться подтолкнул меня фирмач из штата Огайо, мордун и добряга, когда прощались в аэропорту, он и я, мы с ним пригубили по чарочке, и американец сунул мне в рот синюю таблетку. А себя похлопал по животу: был, как ты, гвоздь, а теперь?..

— А что, милый мой Сидорыч, чувствуешь ты сейчас? — вздрагивая, любопытствовала Зося.

— Чувствую я, Зося, в день, примерно, на семь граммов прибавляю!

А Зося напомнила мужу, как их, студенток медучилица, водили на экскурсию под Ставрополь, в знаменитый экспериментальный горбачевский колхоз. Там лежал бык. В ухо быка впаяна синяя таблетка. Бык лежит, а таблетка работает. И вес быку прибавляет по пятьсот семь граммов в день, а и больше случается.

— Значит, и у нас есть?

— Есть! — подтвердила Зося, — но у нас на животных испытывают.

— А в Огайо на людях, дальше продвинулись! — заметил Сидорыч.

А дождик постукивал и постукивал по брезенту. Посапывали детишки. В стороне от костра блестел никелем и лаковой краской «Урал» с пуленепробиваемым стеклом, ожидая армянина. Спали детишки. Сидорыч мечтал возле Зоси. Земля отдыхала.

И думала Зося: зачем люди ссорятся, воют? Вот найдет их армянин Гоша, продадут они ему и этот мотоцикл, честно отремонтированный Сидорычем, и купят себе дом, тесовый, золотистый, с высокими окнами и надежный, какие Сидорыч и директор треста в помощь отправляют!

Баня есть, сарай есть, хоть и ветхие, огород есть, а дом у Сидорыча — позорная развалюха. Включит компьютер Сидорыч — щелкает. И у Сидорыча — щелкает. Но ладно — у Сидорыча, а если у работяг, у всех сразу, защелкает — где, повторяю, и на

какие шиши тёсу взять?

1990